

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

УНИВЕРСИТЕТ ТУРИНА

На правах рукописи

Егоров Евгений Витальевич

РОССИЯ ВСТРЕЧАЕТ СКАНДИНАВИЗМ: ИМПЕРСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ И ПРАКТИКИ
УПРАВЛЕНИЯ (1843-1864)

Резюме диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Доктор исторических наук,
Селин Адриан Александрович,

Санкт-Петербург, Турин – 2023

Актуальность темы исследования

Мое исследование посвящено истории знакомства Российской империи с проектом, предлагавшим альтернативную организацию политической и культурной географии Северной Европы в середине XIX века. Панскандинавизм, питаемый органицистской риторикой Романтизма и историко-филологическими исследованиями о родственном статусе скандинавских языков, предлагал макронациональную рамку различных форм консолидации между Данией, Швецией и Норвегией: от интенсификации культурных связей до смелых политических проектов скандинавского союза-федерации. Скандинавизм как проект, бросивший вызов существующим государственным границам, вряд ли был уникальным для Европы середины XIX века. Он возник во время тектонических сдвигов, произошедших в европейском интеллектуальном ландшафте в 1840-х годах, когда аналогичные тенденции проявились в политическом пространстве Германской конфедерации и итальянских государств. Специфика социально-политического и культурного ландшафта Скандинавии, тем не менее, определила его характерные черты.

В случае с (пан)скандинавизмом приставка «пан» появляется только в контексте перевода. В скандинавских массмедиа проект чаще всего назывался скандинавизмом (*Skandinavismen*) с момента первого упоминания в датской газете в 1843 году, в то время как в зарубежной прессе он получал приставку, порой с уничижительными коннотациями¹. Хотя, с одной стороны, скандинавизм мог поддерживать экспансионистские амбиции политических элит², риторически он часто представлялся как идея, основанная на согласии, доверии, свободе принятия решений и даже

¹ Hemstad R. Scandinavianism: Mapping the Rise of a New Concept // Contributions to the History of Concepts. 2018. No. 1 (13). P. 1–21; Maxwell A. Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice // Nationalism and Ethnic Politics. 2022. No. 1 (28). P. 1–19.

² Hedin E. Sverige-Norge och Preussen: 1860 – 1863 ; projekt till Danmarks delning. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1952. P. 151–208.

альтруизме. К середине XIX века этот проект, хотя и оспаривался местными националистическими и консервативными программами, набирал обороты на страницах прессы, в кабинетах министерств иностранных дел, на профессиональных и научных конференциях, среди представителей королевских дворов Дании и Швеции-Норвегии. Скандинавизм был способен мобилизовать тысячи своих приверженцев на улицах скандинавских столиц и, что не менее важно, десятки в высших кабинетах. Однако в итоге скандинавизм потерпел неудачу как политический проект объединения скандинавских королевств, а поражение Дании во Второй войне за Шлезвиг в 1864 году обычно представляется в историографии как драматичный, но закономерный итог. Эти взгляды и телеологичность, связанная с ними, тем не менее, оспариваются современными исследованиями³.

Российская империя в силу соседства с Швецией-Норвегией беспокоилась о политическом капитале скандинавизма, усугубляемом враждебной риторикой его сторонников. Более того, поскольку Великое княжество Финляндское – территория, сохранившая шведскую культуру, правовые нормы и институты – с 1808–1809 гг. оказалась под скипетром российского императора, скандинавистские отголоски, звучавшие там, порождали опасения о лояльности имперской окраины. Действительно, в Финляндии некоторые студенческие группы и политические ассоциации рассматривали скандинавскую ориентацию как альтернативу властному притяжению Санкт-Петербурга. Однако восприятие скандинавизма в финляндском обществе было противоречивым, учитывая синхронный рост финноцентричного культурного проекта фенномании, лидеры которого зачастую отвергали панскандинавские тенденции.

³ Nordhagen Ottosen M., Glenthøj R. Union eller undergang. København: Gads forlag, 2021; Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter: skandinavisk samarbeid, skandinavisme og unionsøpplosningen. Oslo: Akademisk Publiserings, 2008; van Gerven T. Scandinavism: Overlapping and Competing Identities in the Nordic World, 1770–1919. Leiden: Brill, 2022.

Динамика отношений между скандинавизмом и фенноманией, тем не менее, была гораздо более сложной, что я и пытаюсь продемонстрировать в данной диссертации.

Имперская озабоченность ростом популярности проекта в Скандинавии и в Финляндии менялась на протяжении выбранного периода. Во-первых, сам скандинавизм был гибкой программой, трансформирующей свои принципы и риторику таким образом, чтобы они резонировали с ожиданиями и тревогами населения на региональном и местном уровнях. Во-вторых, имперские кабинеты и общественность по-разному воспринимали скандинавизм. Их восприятие было обусловлено особенностями каналов коммуникации, внешнеполитическими комбинациями, внутренней напряженностью, имперскими языками рационализации, представлениями об этнической или классовой группности и стилем управления этих групп⁴.

Скандинавизм был калейдоскопом смыслов, угроз и тревог, определяемых, помимо подвижности и гибкости самого проекта, тем, как разнообразные имперские агенты в скандинавских столицах, министерских кабинетах, петербургских дворцах, на улицах Або (Турку) и Гельсингфорса (Хельсинки) понимали империю, ее современное положение и будущее развитие. Актуальность моей работы отчасти состоит в пересмотре многих устоявшихся историографических представлений о том, как имперские агенты на разных уровнях воспринимали угрозу панскандинавизма.

Меня главным образом интересует, как менялось восприятие скандинавизма на временном промежутке с 1840-х по 1860-е годы. Бурный период от консервативного правления Николая I до беспрецедентных реформ Александра II был свидетелем европейских войн и революций, триумфов и поражений имперской власти, но, главное, глубоких трансформаций социальной и политической архитектуры режима, которые

⁴ О языках рационализации см: Gerasimov I. et al. *New Imperial History and the challenges of empire* // *Empire Speaks Out*. Leiden: Brill, 2010. P. 1–32.

эхом отозвались во всех составных частях империи. Эти изменения стали результатом осмысления общеимперских проблем и зачастую были обусловлены реакцией Санкт-Петербурга на локальные требования и проекты, в том числе те, которые оформлялись в Финляндии.

Таким образом, актуальность моей диссертации определяется обращением к таким важным для современной историографии сюжетам, как взаимодействие Российской империи и Великого княжества Финляндского, имперское правление и репертуар власти, используемый в пределах и за пределами границ, политические языки, официальная институциональная иерархия, неформальные патрон-клиентские отношения, лояльность и оппозиция, каналы обработки информации: все это непосредственно влияло на имперское восприятие и реакцию на вопросы, связанные с панскандинавским проектом.

Новизна исследования

В данной диссертации предпринята попытка объединить три различные историографические области, которые обычно не рассматриваются вместе, а именно: историю российской дипломатии, историю управления разнообразием в империи и историю Финляндии как особой составной ее части. Я связываю их через анализ имперских реакций на феномен скандинавизма. Хотя каждая из этих областей пользуется значительным вниманием исследователей, я утверждаю, что только синтетическая аналитическая работа, объединяющая эти темы и дисциплинарные поля, позволяет ставить сложные вопросы и искать ответы на них. Комплексная картина разнообразных имперских и финляндских реакций на скандинавизм, их формулирования и воплощения ранее не была представлена.

Данное исследование проясняет деятельность Министерства иностранных дел Российской империи по определению угрозы скандинавизма и принятию различных мер в связи с ней. Я рассматриваю деятельность министерства в контексте Венской системы международных отношений, которая установила репертуар инструментов, доступных для великих держав в отношении потенциальных угроз, а также сформулировала универсальный язык для их описания. Мое исследование проливает свет на попытки дипломатов *перевести* региональные скандинавистские устремления, обычно рассматриваемые в соответствующей историографии как неизменные и обусловленные исключительно геополитикой⁵, на общеевропейский язык коллективной безопасности.

Кроме того, в диссертации я утверждаю, что Финляндия была особым объектом дипломатической озабоченности в отношении скандинавизма и как внешне «оспариваемая» территория, и как область, которой угрожало внутреннее «брожение умов». Особую роль в дипломатической коммуникации, связанной с этим вопросом, играла финляндская администрация и особенно генерал-губернатор. Наконец, я рассматриваю дипломатическое восприятие скандинавизма после Крымской войны, указывая на ограниченность аристократическо-дипломатического наблюдения за проектом. Я далее провожу переоценку ожиданий Министерства иностранных дел в отношении идей скандинавского союза в решающие 1863–1864 годы и выявляю адаптивную, а не исключительно репрессивную реакцию. Такой вектор был обусловлен воздействием новых политических принципов на ключевых действующих лиц имперской дипломатии.

Помимо этого, я прослеживаю ранее не изученную генеалогию внутренних административных реакций на опасность скандинавизма в Великом княжестве

⁵ Halicz E. Russia and Denmark 1856–1864: a chapter of Russian policy towards the Scandinavian countries. Copenhagen: Reitzel, 1990.

Финляндском, которое обычно оказывается на периферии в классических нарративах об этом макронациональном проекте. Я пытаюсь продемонстрировать ранее недостаточно изученные отношения между языками рационализации имперского разнообразия и практиками, разработанными для противодействия скандинавизму. Приписываемый революционный потенциал скандинавизма в 1840-е годы скорее сближал его с другими космополитическими угрозами, исходящими из-за рубежа. В административной оптике фенномания, таким образом, могла содействовать идее скандинавской консолидации, а не противостоять ей. Более того, общественная реакция на скандинавизм в Финляндии усиливала это восприятие, и некоторые интеллектуалы действительно рассматривали эти два проекта как взаимодополняющие.

Модерное политико-этнографическое картографирование, сформулированное в результате Крымской войны и Польского восстания, а также развитие академических исследований национальных характеров и нравов переопределило скандинавизм и привело к его растущей ассоциации с мнимыми заговорами шведоязычного населения Финляндии. Однако давать определение чему-либо – это политический акт, и в условиях сохраняющихся цензурных правил борьба за определение скандинавизма развернулась скорее в административных кабинетах, которые артикулировали опасности или их отсутствие для достижения собственных целей. Скандинавизм оказался ярлыком, который администрация и особенно генерал-губернатор Ф.Ф. Берг использовали в общении с Санкт-Петербургом, подстраиваясь под меняющийся политический язык реформирующейся и модернизирующейся империи.

Наконец, я ввожу новых агентов в историю имперского восприятия скандинавизма. Помимо интеллектуалов и бюрократов Финляндии и России, мнения которых ранее не привлекались к анализу этой проблемы, я рассматриваю ранее не изученные в этом аспекте институты наблюдения и контроля. Прежде всего, речь идет

о Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое оказывало большое влияние на рецепцию скандинавизма в Санкт-Петербурге⁶. Штаб Третьего отделения в Финляндии представлял собой альтернативный центр производства знаний, мониторинга и обратной связи, который участвовал в формулировании опасности скандинавизма, его этнографического профиля, а также в кабинетных «войнах» в качестве квази-независимой третьей стороны.

Наконец, источниковая база данного исследования включает материалы из одиннадцати архивохранилищ, расположенных в Российской Федерации, Финляндии, Дании и Швеции. Опираясь на ранее не изученные источники, данная работа проливает свет на структурные элементы и детали функционирования имперских институтов, транснациональных коммуникационных сетей и личных отношений различных агентов к динамике панскандинавского движения.

Цель данной диссертации: выяснить динамику многомерных правительственных, общественных и частных реакций на феномен скандинавизма в Российской империи и Финляндии в 1843–1864 годах. Мой исследовательский вопрос: «Как и при каких обстоятельствах менялись имперские представления о панскандинавизме в этот период?».

Задачи исследования:

- Выявить структурные условия, предпосылки и факторы, обусловившие восприятие скандинавизма администрацией в Финляндии и России.
- Определить генеалогию, контекст и детали дипломатической реакции на скандинавизм в Копенгагене и Стокгольме, а также в Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге.

⁶ Об организации штаба в Финляндии см: Zagora M. Portraying the Local Life? Gendarme Control in the Grand Duchy of Finland and the Gendarme Reports from the “Periphery,” 1866–1881 // *Journal of Finnish Studies*. 2022. No. 2 (25). P. 226–252.

- Проследить реакцию имперских многоязычных публичных сфер на динамику панскандинавского проекта.

- Проанализировать спектр институциональных взглядов на вызовы, создаваемые панскандинавской идеей, а также репертуар мер, разработанных и реализованных для того, чтобы препятствовать активизации этой идеи в международном и внутривнутриполитическом поле.

Объектом моего исследования является комплекс источниковых материалов, связанных с имперскими дипломатическими и правительственными учреждениями, агентами и общественными сферами, которые так или иначе реагировали на различные аспекты скандинавизма, реальные или воображаемые. **Предметом исследования** является спектр взглядов, мнений, представлений, которые кристаллизовались в имперских кабинетах и общественных сферах в результате знакомства с панскандинавским проектом. Меня также интересует контекст, в котором они были сформулированы, и меры, которые были разработаны в результате операционализации этих представлений.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертации заключается в анализе динамики политической системы Великого княжества Финляндского в качестве составной части общеимперских тенденций и изменений. Помимо этого, внутренняя политика империи по отношению к определенным территориям и внешняя политика Министерства иностранных дел представлены как связанные и отчасти созависимые единицы. Наконец, подчеркиваются представления об опасности скандинавизма для имперской власти, с одной стороны, как триггер для формулирования внутримперской политики, с другой стороны, как явление, за определение которого велась политическая борьба, от

исхода которой зависело проведение тех или иных изменений в Великом княжестве Финляндском и во внешней политике империи.

Практическая значимость исследования определяется его научной новизной. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов, учебных и методических пособий по истории Скандинавии, Финляндии и Российской империи. Отчасти результаты исследования уже используются в рамках курса «История стран Скандинавии: концепции и подходы к изучению (XVII–XIX вв)», проводимого в рамках бакалаврской программы по истории в НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

Методология исследования

Мое исследование в основном посвящено дебатам и переговорам, которые происходили в кабинетах и дворцах. Часто эти «дебаты» возникают как мои умозрительные построения, поскольку собеседники могли не встречаться друг с другом, но «общались» посредством своих отчетов, депеш и писем, направляемых в соответствующие кабинеты. В диссертации рассматриваются и другие коммуникативные пространства, но в основном она посвящена административным каналам. С одной стороны, я анализирую институты в довольно традиционной для российской имперской и финской национальной историографии манере⁷. Более того, поскольку эти «переговоры» часто касались политики, которая должна была применяться к конкретным группам, определенным на основе их конфессионального,

⁷ Schweitzer R. The Rise and Fall of the Russo–Finnish Consensus: The History of the «Second» Committee on Finnish Affairs in St. Petersburg (1857–1891). Helsinki: Edita, 1996; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи, вторая половина XIX–начало XX века. М.: РОССПЭН, 2010; Kalleinen K. The Nature of Russian Imperialism in Finland During the First Half of the Nineteenth Century // Ethnic and National Issues in Russian and East European History. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 86–102.

классового или этнического статуса, я опираюсь на исследования имперской политики в отношении конкретных сообществ и территорий⁸.

С другой стороны, и я бы сказал, что это наиболее существенно, я рассматриваю концептуальные языки этих дебатов и решений, их риторику, метафоры, аллюзии, ссылки, сравнения и другие тропы, которые влияли на их привлекательность и формат воплощения в жизнь. В этом смысле империя кристаллизовалась не только в зданиях Санкт-Петербурга и Гельсингфорса или бюрократических институтах, а именно в напряжении, непонимании и ошибках, которые совершали собеседники, пытаясь постичь сложность того, чем была империя и чем она должна была стать. *Имперская ситуация*, проявляется как контекст их переговоров и действий⁹. Эта методологическая рамка направляет мой анализ многогранных, часто асимметричных коммуникаций, которые охватывали вопросы, связанные со скандинавизмом. Рассматривая эти сложности и попытки их преодоления, я ввожу термин «перевод», означающий стремления имперских агентов ввести ассоциации, сравнения и общие знаменатели между локальными финляндскими практиками, юридическими процедурами, политическими категориями и имперскими «стандартами». Теоретически перевод подчеркивал синхронизацию, но в реальности он часто приводил к непросчитанным последствиям.

Рассматривая период с 1843 по 1864 год, я не могу обойти вниманием рост национализма как один из главных вызовов для имперских институтов по всему миру. Эти вызовы не означали их неизбежной гибели, а скорее подчеркивали необходимость адаптации к новым языкам и практикам солидарности, и многие европейские империи

⁸ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006; Абашин С.Н. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2014.

⁹ Gerasimov I. et al. New Imperial History; Semyonov A. Empire as a Context Setting Category // *Ab Imperio*. 2008. № 1. P. 193–204.

оказались на удивление успешными в этом, сумев извлечь выгоду из соответствующих национализмов в роли их опекунов¹⁰. Исследование национализмов охватывает тысячи томов теоретической литературы, дополненной подробными исследованиями отдельных кейсов. Некоторые из них нашли свое место в азбуке гуманитарных наук, как, например, размышления Бенедикта Андерсона о *воображаемых сообществах* или принцип уравнивания национального и политического Эрнеста Геллнера¹¹. Методологически я в основном обязан размышлениям Роджерса Брубейкера об идентичности как процессе, а не кристаллизованной сущности. Брубейкер подчеркивает, что группы, будь то этносы или нации, никогда не являются данностью, а скорее полем борьбы между различными силами, которые соревнуются в стремлении классифицировать население, а отдельные индивиды или коллективы, в свою очередь, могут самоидентифицировать себя вопреки навязанным процедурам¹². Брубейкер предлагает перейти от рассмотрения групп к анализу практик группности, и я полностью разделяю этот принцип.

Изучая дипломатические источники, я опираюсь на разнородные теоретические интуиции новой дипломатической истории. Без сомнения, лучшие образцы классической дипломатической истории вокруг проблемы скандинавизма преступали границы традиционного дисциплинарного поля и затрагивали вопросы, выходящие за стандартные рамки исследования. Новая дипломатическая история также призывает расширить границы традиционной дипломатической истории за счет обращения к анализу дипломатической культуры и ритуалов, концептуальных языков писем и депеш,

¹⁰ Berger S., Miller A. *Nationalizing Empires*. Budapest: Central European University Press, 2015; Judson P.M. *The Habsburg Empire: A New History*. Cambridge: Harvard University Press, 2016; Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2011; Kumar K. *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 1–36.

¹¹ Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 2008; Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York: Verso Books, 2016.

¹² Brubaker R. *Ethnicity without groups* // *European Journal of Sociology*. 2002. No. 2 (43). P. 163–189; Brubaker R., Cooper F. *Beyond “identity”* // *Theory and Society*. 2000. No. 1 (29). P. 1–47.

разновидностей социализации и досуга, асимметричных переговоров и посредничества¹³. Строя свое исследование на основе этих теоретических рамок, я изучаю среду и мировоззрение дипломатов как значимые переменные в их восприятии опасностей, связанных со скандинавизмом.

Степень научной разработанности темы

Скандинавизм как политический проект

Еще в 1900 году датский историк Юлиус Клаусен высказал наблюдение, которое остается весьма актуальным даже для современных исследований заявленного предмета, а именно: скандинавизм — это термин, которому трудно дать точное определение¹⁴. Действительно, до сих пор в историографии скандинавизм анализируется одновременно как социальное движение, элемент макронационального воображения, политическая траектория и дипломатическая проблема. Моя диссертация в основном сосредоточена на политических и дипломатических аспектах скандинавизма.

Клаусен стал пионером исторического осмысления развития скандинавизма. В своей работе, выполненной на материале в основном датских источников, он показал, как скандинавизм возник из политических устремлений датских национал-либералов. Клаусен обнаружил корни проекта в культурных связях и романтических изысканиях конца XVIII века. В то время как интеллектуальные связи под эгидой скандинавской консолидации высоко оценивались автором, политические отголоски сближения представлялись им в качестве безнадежной фантазии молодых людей, неверно истолковавших европейский и региональный контекст¹⁵. Эти размышления о «гене

¹³ Hogan M.J. The “Next Big Thing”: The Future of Diplomatic History in a Global Age // *Diplomatic History*. 2004. No. 1 (28). P. 1–21; Mori J. The State of the Art. The Way of the Future // *Diplomatica*. 2019. No. 1 (1). P. 5–12.

¹⁴ Clausen J. *Skandinavismen: historisk fremstillet*. København: Det Nordiske Forlag, 1900. S. 1.

¹⁵ *Ibid.*

неудачи» в ДНК политического скандинавизма повлияли на многие последующие исследования.

За этой работой позже последовали более глубокие исследования национальной и локальной интерпретаций скандинавизма. Джон Саннес, например, изучил норвежскую рецепцию проекта и конкретные группы, которые стремились легитимизировать его в общественной сфере. Проанализировав прессу и частную переписку, Саннес показал, что скандинавская идея не была особенно популярна в норвежских интеллектуальных кругах, поскольку ее основные цели не имели отношения к местным интересам¹⁶. Такая трактовка постепенно подвергается переоценке и детализации¹⁷, но мое исследование вносит сравнительно небольшой вклад в изучение норвежской специфики панскандинавизма.

Датский историк Хенрик Беккер-Кристенсен тоже скептически описывал политические амбиции движения. Согласно его аргументам, Дания остро нуждалась в военной и дипломатической поддержке против Пруссии и немецких государств. Эта необходимость в сочетании с либеральной риторикой оппозиции превратила скандинавизм в стратегию выживания. Беккер-Кристенсен использовал полицейские отчеты и административную документацию, чтобы выяснить оценку датскими властями опасности, которую представляло движение до смены режима в 1848 году. Кроме того, историк пролил свет и на беспокойство российских дипломатов по поводу роста движения и продемонстрировал, что они активно вмешивались в процессы принятия решений датской администрацией¹⁸. Анализ имперского восприятия проекта, проведенный Беккером-Кристенсеном, выявил множество важных интуиций

¹⁶ Sanness J. *Patrioter, intelligens og skandinaver: Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848*. Oslo: Universitetsforlag, 1959.

¹⁷ Johnsen N.R. «Vi hafva ifrån morgon till qväll varit ute och agiterat»: *Skandinavismen og pressen 1848–1864*. MA Dissertation. Oslo, 2018.

¹⁸ Becker-Christensen H. *Skandinaviske drømme og politiske realiteter: Den politiske skandinavisme i Danmark 1830–1850*. Århus: Arusia, 1981.

дипломатических агентов, хотя его исключительная сосредоточенность на Дании не позволила ему сделать более широкие выводы.

Другие работы уделяли больше внимания аспектам политического воображения и борьбы в Дании, которые повлияли на видение там панскандинавского будущего. Расмус Глентхой, Уффе Остегорд, Ханс Ваммен, Майкл Брегнсбо и Курт Виллард Йенсен – каждый в своей собственной манере – попытались контекстуализировать национально-либеральные устремления и скандинавистские представления на фоне сложной имперской ситуации во владениях датской династии Ольденбургов¹⁹. В их работах рассматривались различные аспекты националистических и инфраструктурных вызовов институтам датской композитарной монархии, а также стратегии подавления и адаптации, демонстрируемые датским правительством в отношении этих препятствий. Также в них анализировалось появление новых политических агентов, языков и представлений о будущем, которые боролись за доминирование в политическом поле. Их тексты опирались на современные теоретические и методологические разработки, но они также продолжали традицию датской политической истории XIX века, основы которой были сформированы работами Александра Торсе, Нильса Неергорда, Эрика Меллера и других²⁰.

Другая группа историков фокусировалась на аспектах формирования датской нации в XIX веке, вопросах ментального картографирования, воображения и развития национальной символики. Оле Фельдбек и Инге Адриансен обратили внимание на формулирование новых национальных символов и образов, которые часто были

¹⁹ Vammen H. Den tomme stat: Angst og ansvar i dansk politik 1848–1864. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2011; Glenthøj R. 1864 – Sønnen af de slagte. København: Gads Forlag, 2014; О Дании как империи см: Bregnsbo M., Jensen K.V. The Rise and Fall of the Danish Empire. Cham: Palgrave Macmillan, 2022; Østergaard U. National-building and Nationalism in the Oldenburg Empire // Nationalizing Empires. Budapest: Central European University Press, 2015. P. 461–509.

²⁰ Thorsøe A. Kong Frederik den Syvendes regering, et bidrag til den danske stats historie fra 1848–1863. København: Gyldendalske boghandels forlag, 1884; Neergaard N. Under Junigrundloven. Vol. I–II. København: P.G. Philipsen, 1892; Møller E. Helstatens fald. Odense: G. E. C. Gad, 1958.

взаимоисключающими с семантическим репертуаром Ольденбургской империи²¹. Аладин Ларжес подробно остановился на вопросах семантического картографирования границ XIX века, которое помогло сформулировать оппозиции между датским и немецким, а также между скандинавским и российским²². Стеен Бо Франдсен, однако, продемонстрировал широкий спектр самоидентификаций, которых могли придерживаться подданные датского короля, утверждая, что «немецкая» и «датская» позиции гегемонизировались националистической риторикой, в то время как палитра статусов оставалась гораздо более гетерогенной даже в кризисные годы войн и революций²³.

Хотя с 2000-х годов интерес к политической истории панскандинавского проекта снизился, уступив место исследованиям его культурных аспектов, коммуникационных сетей и неправительственных организаций, Мортен Нордхаген Оттосен и Расмус Глентхой продемонстрировали возрождение исследований политической динамики скандинавизма в своей недавней книге «Уния или поражение». Выступив против телеологичных повествований о «врожденном пороке» идеи скандинавского союза, два историка заново оценили его шансы, раскрыв сложную динамику переговоров, споров и принятия решений по обе стороны Эресунна, чтобы показать, что скандинавский союз служил конечной целью многих других – либеральных, националистических, консервативных – политических программ в Дании и в Швеции-Норвегии. На более чем тысяче страниц авторы развернули новую генеалогию и переопределили движущие силы идеи скандинавского единства, опираясь практически на все существующие

²¹ Feldbæk O. Dansk identitetshistorie: Et yndigt land 1789–1848. København: Reitzel, 1991; Adriansen I. Nationale Symboler. København: Museum Tusulanum Press, 2003.

²² Larguèche A. Resistance as the Creation of a ‘Natural Frontier’: the Language of 19th–Century Scandinavism (1839–1867) // *Frontiers and Identities*. Pisa: Plus-Pisa University Press, 2010. P. 181–194

²³ Frandsen S.B. *Opdagelsen af Jylland: den regionale dimension i Danmarkshistorien 1814–64*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 1996; Frandsen S.B. The breakup of a composite state and the construction of a nationalist conflict: Denmark and the Duchies in the 19th century // *JEMIE – Journal on ethnopoltics and minority issues in Europe*. 2009. Vol. 8. No.1. P. 20.

исследования и обращаясь к ранее не изученным архивным материалам. Несомненно, книга уже зарекомендовала себя в качестве классического труда, представляющего свежее, энциклопедическое по своему масштабу повествование о панскандинавском проекте²⁴. Одной из основных сетей коммуникации, наделившей скандинавизм реальным политическим капиталом, согласно их аргументации, была дипломатия.

Дипломатия и скандинавизм

Историографическая традиция дипломатической истории расширила диапазон инструментальных подходов, которые использовались для анализа панскандинавского проекта. Еще в 1912 году Яльмар Харальдс опубликовал историю шведской дипломатической и военной поддержки Дании в 1848 году, которую затем развили и продолжили Эрик Лефгрэн и Бо Лундквист²⁵. Поскольку Швеция и Российская империя объявили о своем коллективном демарше в этом году, позиция России также была кратко рассмотрена в этих текстах. Хотя Харальдс указывал на то, что помощь Швеции не определялась исключительно импульсом скандинавизма, политический капитал этого движения в 1848 году было трудно игнорировать даже на дипломатическом уровне. Харальдс, Лефгрэн и Лундквист, опираясь на большой массив архивных источников о дипломатических дискуссиях, лишь вскользь коснулись другого важного аспекта политики Оскара I, а именно его взаимодействия с ведущими шведскими журналами для формирования общественного мнения, которое бы благоприятствовало избранному политическому курсу. Этот аспект сыграет решающую роль во время другого кризиса – Крымской войны.

²⁴ Nordhagen Ottosen M., Glenthøj R. Union eller undergang.

²⁵ Haralds H. Sveriges utrikespolitik 1848, ett bidrag till belysning af danska frågans första skede. Uppsala: Akademiska bokhandeln, 1912; Löfgren E.O. Sverige-Norge och danska frågan 1848–49: från stilleståndet i Malmö till den svensk–danska konventionen augusti 1849. Uppsala: Wretmans boktryckeri, 1921; Lundqvist B. V. Sverige och den slesvig–holsteinska frågan 1849–50. Uppsala: Appelberg, 1934.

Хотя до 1850-х годов Оскар I подчеркивал свою приверженность так называемой политике 1812 года, подразумевающей тесный союз между Россией и Швецией-Норвегией, окно возможностей, которое открыла Крымская война, явно изменило его подход к построению отношений с восточным соседом. Исследование Свена Эрикссона посвящено изменениям во внешней политике Швеции в 1853–1856 годах, когда Оскар I переходил от шведско-датского нейтралитета к военному союзу с морскими державами. Этот сдвиг в политике сопровождался пропагандистской кампанией, развернутой под эгидой короля в местных журналах и даже европейской прессе²⁶. Оскар I, подписав Ноябрьский договор 1855 года, был готов присоединиться к коалиции европейских держав, но начавшиеся вскоре мирные переговоры спутали его планы. Март Кулдкепп, опираясь на исследование позиции Швеции во время Крымской войны, пересмотрел устоявшиеся представления о шведском нейтралитете, показав, что на самом деле Швеция была в шаге от вступления в военные действия под знаменами реваншизма и скандинавского союза²⁷.

Оке Холмберг расширил фокус Эрикссона, исследовав степень популярности скандинавских идей среди шведской элиты и значение панскандинавской повестки в шведской внешней политике в период с 1840-х по 1863 год. Опираясь на большой круг дипломатических и бюрократических источников, а также на материалы прессы, Холмберг показал, что скандинавизм стал одной из главных идей, вокруг которой разворачивались политические дебаты в кабинетах и при дворах скандинавских монархов²⁸. Эрик Меллер, другой исследователь дипломатического скандинавизма, также подчеркивал, что продвижение идеи скандинавского союза было возможно только в контексте дипломатии-двойника: монархи и особенно король Карл XV разрабатывали

²⁶ Eriksson S. *Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget*. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1939.

²⁷ Kuldkkepp M. *National Revanchism at a Critical Juncture: Sweden's Near-Involvement in the Crimean War as a Study in Swedish Nationalism* // *Scandinavica*. 2019. No. 2 (58). P. 115–133.

²⁸ Holmberg Å. *Skandinavismen i Sverige vid 1800-talets mitt (1843–1863)*: Doctoral thesis. Göteborg, 1946.

свои программы через личное окружение и эмиссаров, провоцируя действующие кабинеты и сложившиеся иерархии власти²⁹.

Работы Эммануэля Халича развивали предшествующие исследования о дипломатических аспектах скандинавизма и опирались на новые материалы, собранные в европейских и российских архивах. Он первым полноценно ввел новую переменную в уравнение скандинавизма, а именно дипломатию Российской империи и ее влияние на внешнюю политику скандинавских королевств. Предыдущие работы, включая тексты Меллера и Беккера-Кристенсена, тоже анализировали российские материалы, но исчерпывающие исследования Халича в российских архивах, его безупречное знание дипломатического персонала и его работы ставят эти исследования на другой уровень в аспектах, связанных с Российской империей. Особое внимание историк уделяет периоду 1853–1864 годов в двух книгах.

Первая из них исследовала динамику скандинавского и, в частности, датского нейтралитета, продемонстрировав, что невмешательство было динамической системой сдержек и противовесов, поиском компромиссов, маневрированием и переговорами с многочисленными агентами, а не простым декларативным статусом³⁰. В другой книге рассматривалась позиция России по отношению к Дании в 1856–1864 годах с особым акцентом на напряженности, возникшей между Данией и немецкими государствами из-за вопроса о Шлезвиге. Халич утверждал, что опасения империи, связанные с панскандинавизмом, постоянно влияли на траекторию ее политики и цементировали ее позицию как защитницы целостности Дании, хотя вмешательство оставалось ограниченным из-за необходимости проведения внутренних реформ в империи³¹.

²⁹ Møller E. *Skandinavisk stræben og svensk politik omkring 1860*. Copenhagen: G. E. C. Gad, 1948.

³⁰ Halicz E. *Danish Neutrality During the Crimean War (1853–1856): Denmark Between the Hammer and the Anvil*. Odense: Odense University Press, 1977.

³¹ Halicz E. *Russia and Denmark 1856–1864: a chapter of Russian policy towards the Scandinavian countries*. Copenhagen: Reitzel, 1990.

Опираясь на анализ Халича, моя диссертация расширяет аспекты российского взаимодействия со скандинавизмом, в некоторых отношениях пересматривая его выводы.

Хотя этот корпус работ освещает динамику международной политики, картина дипломатии, которую они рисуют, часто кажется оторванной от других транснациональных информационных сетей и интеллектуальных дебатов. Эти исследования изображают внешнюю политику как расчетливый мир кабинетной дискуссии, независимой от внутренних политических и культурных тенденций, в то время как реальная агентность отдана на откуп исключительно министрам и королевским эмиссарам. Идя против этой точки зрения, Рут Хемстад рассмотрела низовую дипломатию и профессиональные корпорации, которые начали формироваться в Скандинавии после отказа от идеи политической интеграции в конце 1860-х годов. Перенос акцента с политической сферы на предпринимательское сотрудничество позволил ей сформулировать новую периодизацию скандинавизма, растянув ее до начала XX века. Она убедительно показала, как идея скандинавского сближения адаптировалась к новым условиям глобализирующегося мира, региональным паттернам самоорганизации и сотрудничества, продвигаемым неправительственными организациями³².

Другие исследования представили студентов как основных дипломатических агентов низового уровня, стоящих за динамикой скандинавизма. В этих исследованиях съезды скандинавских студентов – изобретенная традиция 1840-х годов – стали главной ареной, где формулировались, распространялись и обсуждались новые программы скандинавского будущего, а эмоциональные узы связывали участников в сети доверия,

³² Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter: skandinavisk samarbeid, skandinavisme og unionsøppøsningen. Oslo: Akademisk Publisering, 2008.

дружбы и альтруизма. Более того, как показал Хенрик Ульстад, студенческие встречи привлекали горожан в свои перформативные «спектакли», способствуя расширению границ участия в панскандинавском проекте³³. Фредрик Нильссон продемонстрировал, что встречи скандинавских студентов были пронизаны чертами модерности, а их транспортные средства, пароходы, курсирующие по скандинавским берегам, становились значимыми объектами семантической системы. В то время как сцены студенческих съездов становились все более политизированными, внутреннее напряжение и разногласия смягчались эмоциональными, объединяющими аспектами фестивалей³⁴.

Нири Рагнвальд Йонсен, в свою очередь, продемонстрировал, что студенческие встречи способствовали формированию транснациональных сетей, которые сыграли решающую роль в распространении скандинавистской агитации в локальных условиях³⁵. Общий поворот к социальным сетям сегодня очевиден в исследованиях панскандинавского движения. Этот кластер работ обнажает возможности транснационального горизонтального сотрудничества в противовес иерархическим отношениям власти. Карта скандинавских университетов, а также схема академических и профессиональных обществ создают в них альтернативную матрицу интеграции. География университетов, простирающихся от Копенгагена до Кристиании, Лунда, Упсалы и в некоторой степени даже Гельсингфорса, формировала узлы этой сети. Эти сети сотрудничества могли либо вести себя независимо от иерархии власти, либо иногда играть роль инструментов, способных усилить правительственные проекты, как это

³³ Ullstad H. «Med mjöd och manligt glam på fädrens sätt»: studentskandinavismen som ideologi och performativ praktik // Skandinavism: en rörelse och en idé under 1800-talet. Göteborg: Makadam förlag, 2014. S. 82–113.

³⁴ Nilsson F. I rörelse: politisk handling under 1800-talets första hälft. Lund: Nordic Academic Press, 2000.

³⁵ Johnsen N.R. «Vi hafva ifrån morgon till qväll varit ute och agiterat».

произошло во время встречи студентов в Упсале в 1856 году, которая широко и скоординированно освещалась в регионе, создавая транснациональное медиа событие³⁶.

Язык, культура и коммуникация

Действительно, трансграничные коммуникации, переводы, организация медиапрограмм, которые способствовали созданию общескандинавских исторических и литературных нарративов, ранее ускользали от внимания исторических исследований и относительно недавно проявились в изучении формирующейся скандинавской идентичности. Кари Хаардер Экман рассматривала панскандинавизм как политически скромную, но культурно привлекательную программу идентичности. Экман исследовала литературные связи и культурные проекты в скандинавском контексте, обозначив множественность этих связей как «республику писем». Поскольку в ее понимании скандинавизм проявлялся скорее в состоянии связанности, политические пертурбации 1864 года представляют собой не тупик, а точку его трансформации. Экман рассматривает панскандинавизм как зонтичный проект, который подразумевает конкурирующие видения интеграции³⁷.

Рут Хемстад обратилась к вопросу терминов, которые использовали сторонники и критики скандинавизма, сделав вывод, что такие понятия как «Скандинавия» и «Север» меняли свое значение на протяжении XIX века, а панскандинавский проект в значительной степени способствовал переформулированию и широкому использованию этих терминов³⁸. Однако такое изменение содержания понятий и попытки подчеркнуть

³⁶ Hillström M., Harvard J. Media Scandinavianism: Media Events and the Historical Legacy of Pan-Scandinavianism // Communicating the North. Burlington: Ashgate, 2013. P. 75–98.

³⁷ Ekman K.H. «Mitt hems gränser vidgades»: en studie i den kulturella skandinavismen under 1800-talet. Göteborg: Makadam förlag, 2010.

³⁸ Hemstad R. Scandinavian Sympathies and Nordic Unity: The Rhetoric of Scandinavianness in the Nineteenth Century // Contesting Nordicness From Scandinavianism to the Nordic Brand. Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2022. P. 35–57.

макронациональную идентичность часто встречали противодействие со стороны локальных процессов нациестроительства, которые отвергали общерегиональную рамку проекта³⁹. Тем не менее, скандинавизм демонстрировал потенциал адаптации к местным условиям, и трансграничные коммуникационные сети, которые способствовали его развитию в основном с помощью прессы, служат тому подтверждением, как показывают Йонас Харвард, Питер Стадуис и Магдалена Хиллстрем⁴⁰.

Зачастую эхо скандинавских событий доходило до Финляндии, где студенческие фестивали, дипломатические повороты и политическая напряженность на севере с энтузиазмом воспринимались либеральной публикой и с опаской – администрацией. Питер Дхондт в своем исследовании рассматривал юбилеи скандинавских университетов XIX века, и Александровский императорский университет в Гельсингфорсе также попал в его поле зрения. В главе, посвященной двухсотлетию Гельсингфорского университета в 1840 году, Дхондт проанализировал организованные имперской администрацией попытки сформулировать финскую культурную традицию, которая одновременно должна была сохранять лояльность Санкт-Петербургу⁴¹. Анализ Дхондта лишь частично принимает во внимание угрозы и тревоги, с которыми столкнулась имперская администрация в Финляндии в 1830–1840-х годах, и моя диссертация стремится рассмотреть этот контекст более подробно.

Российская империя и управление разнообразием

Российская империя управляла различными группами населения в своих

³⁹ Sørensen Ø. Jakt på det norske: perspektiver på utviklingen av en norsk nasjonal identitet på 1800-tallet. Oslo: Gyldendal, 2007; Johnsen N.R. Inkonsekvent og omskiftelig? // Historisk tidsskrift. 2021. No. 2 (100). P. 116–130.

⁴⁰ Harvard J., Stadius P. A Communicative Perspective on the Formation of the North: Contexts, Channels and Concepts // Communicating the North. Burlington: Ashgate, 2013. P. 1–24; Hillström M., Harvard J. Media Scandinavianism.

⁴¹ Dhondt P. National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation. Leiden: Brill, 2011. P. 13–38.

владениях. В пограничных и составных частях империи это управление осуществлялось различным образом на спектре от квазиколониальной эксплуатации до предоставления автономных правовых режимов. Формат организации власти зависел от многих факторов, которые включали в себя классификационные режимы населения, национальные и расовые таксономии, имперское положение в системе международных отношений, исторические прецеденты, личную волю монарха и другие переменные. Финляндии была предоставлена юридическая автономия, которая стала практически исключительной после подавления польских восстаний в 1830–1831 и 1863 годах.

Нет необходимости давать историографический обзор имперских замыслов и преобразований во всех областях управления. Однако важно понимать, что Финляндия часто рассматривалась Санкт-Петербургом и местной администрацией как часть более обширной имперской системы, так что модели мышления, тревоги, эпистемологические режимы, разработанные в отношении одной территории и населения, часто распространялись на другие области имперского правления, чтобы найти там контрасты или обнаружить параллели. Признавая эту привычку имперского правления, я опираюсь на широкий спектр исследований, посвященных российскому управлению в различных территориальных контекстах. Новаторское исследование Андреаса Каппелера о России как «многонародном государстве» дало толчок к более широким и глубоким размышлениям о последствиях этой многонациональности для государственного аппарата⁴². Что касается административных практик управления окраинами, я опираюсь на анализ и выводы, сделанные Эдвардом Таденом, Теодором Виксом, Алексеем Миллером, Михаилом Долбиловым, Львом Дамешком, Анатолием Ремневым, Джейн Бербанк и многими другими⁴³.

⁴² Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C.H. Beck, 1992.

⁴³ Thaden E.C. *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton: Princeton University Press, 2014; Долбилов М., Миллер А. *Западные окраины Российской Империи*; Дамешек Л.М., Ремнев А.В. *Сибирь в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Weeks T.R. *Nation and State in Late*

Другая концептуализация империи предложена группой исследователей, стоящих за журналом *Ab Imperio*. Их работы, опирающиеся на новый аналитический словарь имперской ситуации, языки рационализации и самоописания, сосредоточены на видениях, которые формирует власть, чтобы управлять разнообразием. Дистанцируя империю от жесткой смысловой рамки «государства», которое обычно обеспечивается территорией и однородной нацией, их работы предлагают оптику, способную рассмотреть гибридные стратегии сосуществования и управления в имперской ситуации. Гибкая в отношении способов повествования и теоретических рамок, их зонтичная концептуализация стремится избежать грандиозных нарративов и дихотомии центр-периферия, предоставляя пространство для новых интерпретаций. Фокусируясь на напряженности между конкурирующими проектами самоорганизации и имперскими стремлениями к управлению разнообразием, Марина Могильнер, Илья Герасимов, Сергей Глебов и Александр Семенов подчеркивают неоднозначность имперских средств, а также непредсказуемость результатов их осуществления⁴⁴.

Финляндия в структуре имперского управления

Как показали в своих работах Вадим Рогинский, Пяйвие Томмила, Карл фон Бонсдорф, Финляндия была не только спорной территорией во время Наполеоновских войн, но и полем политического эксперимента после ее присоединения к Российской империи в 1808–1809 годах⁴⁵. Ее устройство, правовой статус, конфигурация управления

Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University, 2008; Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. No. 3 (7). P. 397–431.

⁴⁴ Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII – XX вв. Казань: *Ab Imperio*, 2017; Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A. *Empire Speaks Out*.

⁴⁵ Tommila P. *La Finlande dans la politique européenne en 1809–1815*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1962; Tommila P. *Suomen autonomian synty, 1808–1819*. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 1984; Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию: международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М.: Весь мир, 2012; von Bonsdorff C. G. *Opinioner och stämningar i Finland, 1808–1814*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1918.

и даже границы обсуждались и в определенной степени изобретались в диалоге между элитами княжества – в большинстве своем шведоязычными – и имперской администрацией в 1810-е годы. В политическом и культурном плане финляндская идентичность также колебалась между двумя полюсами: Стокгольмом, с которым Финляндия долгое время сохраняла институциональные и торговые связи и Санкт-Петербургом, новым центром власти и привлекательным местом для миграции и карьерных поисков, как показал в своих работах Макс Энгман⁴⁶.

История Финляндии в имперском контексте была подробно рассмотрена в работах Матти Клинге, Осмо Юссила, Роберта Швейцера, Юхани Паасивирта и Льва Суни, которые воссоздали картину асимметричных, но в конечном счете мирных правовых и политических переговоров, которые характеризовали большую часть финляндско-российских политических отношений вплоть до 1880-х годов, когда имперский центр стал открыто демонстрировать централизирующие амбиции⁴⁷. В других работах рассматриваются вопросы административных учреждений Финляндии, круг их обязанностей, взаимоотношения между ними и их роль в обеспечении привилегированного положения Финляндии⁴⁸. Наконец, серия исследований рассматривает биографические траектории высших финских бюрократов и

⁴⁶ Engman M. Ett långt farväl: Finland mellan Sverige och Ryssland efter 1809. Stockholm: Atlantis, 2009.

⁴⁷ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Коло, 2005; Schweitzer R. Autonomie und Autokratie: die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen Reich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899). Giessen: W. Schmitz, 1978; Суни Л.В. Великое княжество Финляндское: (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013; Он же. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е гг. XIX в. Ленинград: Наука, 1979; Jussila O. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808–1863. Helsinki: Frenckellin Kirjapaino Oy., 1969; Paasivirta J. Finland and Europe: The Period of Autonomy and the International Crises, 1808–1914. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.

⁴⁸ Kalleinen K. Suomen kenraalikuvernementti: kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä, 1823–1861. Helsinki: Painatuskeskus, 1994; Korhonen K. Suomen Asiain Komitea: Suomen korkeimman hallinnon järjestelyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1826. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1963; Schweitzer R. The Rise and Fall of the Russo–Finnish Consensus; Savolainen R. Suosikkisenaattorit: Venäjän keisarin suosio suomalaisten senaattoreiden menestyksen perustana 1809–1892. Helsinki: Painatuskeskus, 1994.

интеллектуалов, часто касаясь вопросов их самоидентификации, карьерного пути и устремлений, обусловленных финляндско-имперским контекстом⁴⁹.

Многие из этих работ, помимо обращения к новым архивным фондам, опирались на более раннюю историографию отношений Финляндии с Российской империей, выросшую из споров о положении княжества в правовой и политической имперской системе. Хотя эта часть историографии ощутимо политизирована, поскольку намерения, стоявшие за их публикациями явно и неявно формулировались в спорах о современном легальном или административном положении княжества, многие из этих работ по-прежнему сохраняют свою актуальность, учитывая объем исследованных материалов. Труды М.М. Бородкина, К.Ф. Ордина, М.Г. Шиббергсона и Б.Э. Нольде, например, могут быть по-прежнему полезны при критическом подходе к работе с ними⁵⁰. Помимо рассмотрения административной системы и напряженности внутри нее, они проливают свет и на общественные настроения в Финляндии.

Современные исследования подчеркивают как институционализированный режим цензуры, так и практику самоцензуры, которые ограничивали пространство для общественных дискуссий в княжестве, но одновременно заставляли изобретать альтернативные способы коммуникации, которые редакторы, журналисты и новые политические агенты использовали для обсуждения внутренних проблем. Яни Марьянен и Юсси Курунмяки продемонстрировали, как финляндские масс-медиа использовали политику сравнения, представляя новости из-за рубежа в качестве

⁴⁹ Hirn H. Alexander Armfelt, början av en statsmannabana, 1832–1841. Helsingfors: Mercators tryck., 1948; Lagerborg R. Sanningen om Casimir von Kothen (1807–80) enligt aktstycken och brev. Helsinki: Akademiska bokhandeln, 1953; Kalleinen K. Isänmaani onni on kuulla venäjälle: vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001.

⁵⁰ Бородкин М.М. История Финляндии: Время императора Николая I. Петроград: Государственная типография, 1915; Ордин К.Ф. Покорение Финляндии: Опыт описания по неизданным источникам. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1889; Schybergson M.G. Finlands historia. Helsingfors: G.W. Edlund, 1903; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб: Тип. «Правда», 1911.

ориентиров или примеров, которых следует избегать⁵¹. К 1840-м годам вопросы идентичности захватили внимание редакторов и образованной публики. В то время как более ранние исследования опирались на представления об упрощенном противостоянии между фенноманией и свекоманией, охранявшей привилегированное положение шведского языка, многогранные дебаты об идентичности были более сложными.

Курунмяки обратил внимание на то, что помимо языка, дискуссии были сосредоточены на базовых принципах определения идентичности, а также на культурных и политических представлениях, которые были связаны с различными трактовками динамики власти⁵². Либерализм, например, часто подвергался нападкам как иностранная, ориентированная на Швецию позиция, несовместимая с финским национальным проектом. Йенс Гранделл показал, тем не менее, что фенномания и свекомания могли быть менее антагонистичными, чем традиционно считается, особенно на ранних этапах формулирования соответствующих программ, а также утверждал, что финский либерализм не всегда подразумевал обязательную скандинавскую ориентацию⁵³.

Постепенно, как показали Аксель Лилле, Макс Энгман, Илка Лииканен и Юсси Курунмяки, культурные позиции переформулировались в язык партийной или платформенной политики, особенно после 1863 года, когда был созван финляндский Сейм, а финский язык приобретал административный статус⁵⁴. Наконец, важно, что

⁵¹ Kurunmäki J., Marjanen J. Catching up through comparison: The making of Finland as a political unit, 1809–1863 // *Time & Society*. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 559–580; Marjanen J. Gränserna för det offentliga samtalet i Finland 1809–1863 // *Frie Ord i Norden?* Oslo: Pax forlag, 2019. S. 111–140.

⁵² Kurunmäki J. Kan en nation byggas på politisk vilja? Debatten mellan J. V. Snellman och August Schauman 1859–1860 // *Historisk Tidskrift för Finland*. 2007. No. 1. S. 63–89; Kurunmäki J. On the Difficulty of Being a National Liberal in Nineteenth-Century Finland // *Contributions to the History of Concepts*. 2013. No. 2 (8). P. 83–95.

⁵³ Grandell J. Från ett årtionde i Finland: August Schauman, republikanism och liberalism 1855–1865. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten, 2020.

⁵⁴ Lille A. Den svenska nationalitetens i Finland samlingsrörelse. Helsingfors: Holger Schildts Tryckeri, 1921; Engman M. Språkfrågan: Finlandssvenskhetens uppkomst 1812–1922. Helsinki: Svenska litteratursällskapet i

финляндская администрация внимательно следила за этими дебатами, распределяя социальный и политический капитал среди лояльных и, по их мнению, более политически надежных групп. Однако принципы административной оценки надежности не были стабильными или последовательными, что приводило к внутреннему напряжению и зачастую бессистемным реакциям, характерным и для политики империи в других окраинах.

До восстановления сословного представительства в Сейме и ослабления цензуры в эпоху Александра II основными площадками для дискуссий были лекционные залы, студенческие читательские клубы и общественные организации разного уровня. В своей фундаментальной работе Матти Клинге проанализировал идеи, циркулировавшие среди студентов Гельсингфорского университета, и практики их политического воплощения. Он фокусировался на культурных и политических тенденциях, которые привлекли внимание студентов, включая скандинавизм и фенноманию в 1840–1860-е годы. Но самое главное, университет предоставил студентам образование и пространство для практики самоорганизации, коллективных действий и создания сетей, которые стали решающими для последующей политической борьбы и формулирования принципов финляндской автономии и даже государственности, как показали Матти Клинге и Хенрик Стениус⁵⁵.

Другие исследователи выявили, что воображение единой Скандинавии оказалось привлекательным для определенных групп населения Великого княжества либо по причинам либеральной риторики, обычно связанной с проектом, либо в связи с

Finland, 2016; Liikanen I. Fennomania ja kansa: joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1995; Kurunmäki J., Liikanen I. The Formation of the Finnish Polity within the Russian Empire: Language, Representation, and the Construction of Popular Political Platforms, 1863–1906 // Harvard Ukrainian Studies. 2017. No. 1/4 (35). P. 399–416.

⁵⁵ Klinge M. Studenter och idéer: 1828–1852. Vol. I-II. Helsinki: Studentkåren vid Helsingfors Universitet, 1969; Stenius H. Frivilligt, jämlikt, samfällt: föreningsväsendets utveckling i Finland fram till 1900-talets början med speciell hänsyn till massorganisationsprincipens genombrott. Helsinki: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1987.

надеждами на геополитические изменения в регионе⁵⁶. Я бы утверждал, однако, что местное восприятие скандинавизма имело более сложную динамику и помимо самоидентификации включало в себя процессы категоризации и классификации, осуществляемые правительством.

Самый известный скандинавский интеллигент финского происхождения, однако, проживал в Стокгольме, вдали от имперских институтов власти. Эмиль фон Квантен стал автором доктрины, объединившей борьбу за финскую национальную культуру с панскандинавской повесткой⁵⁷. Его работа подверглась нападкам со стороны Юхана Вильгельма Снельмана, одного из ведущих идеологов фенномании, и исследователи утверждают, что их противостояние имело решающее значение для акцентирования соответствующих скандинавских и фенноманских позиций⁵⁸. Однако тот факт, что эти дебаты были транснациональными, связанными с логикой коммуникации, характерной для скандинавских медиасистем, ускользнул от внимания предыдущих исследователей.

Ориентированные на Швецию программы определенных групп и газет, в первую очередь либеральной *Helsingfors Dagblad*, волновали чиновников, как показывают Лоло Крусиус-Аренберг и Ларс-Фольке Ландгрэн⁵⁹. Работы первой, несмотря на то что они вышли почти сто лет назад, до сих пор сохраняют свою актуальность благодаря обширной архивной работе и особенно синтетическому дизайну исследования, в котором рассматриваются соответствующие позиции Санкт-Петербурга, финляндской

⁵⁶ Krusius-Abrenberg L. Der Durchbruch des Nationalismus und Liberalismus im politischen Leben Finnlands 1856–1863. Helsinki: Finnischen Literaturgesellschaft, 1934; Johansson R. Skandinavismen i Finland // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1930. No. 6. S. 256–68; Pipping H.E. Finlands ställning till Skandinavismen // Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland. 1921. No. 34. S. 131–95.

⁵⁷ Mörne A. Kring Emil von Qvantens Fennomani och Skandinavism // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1932. No. 8. S. 1–85.

⁵⁸ Björk-Winberg M. Opposition from Abroad: Emil von Qvanten and Finnish Scandinavism in the Mid-Nineteenth Century // Journal of Finnish Studies. 2021. No. 1–2 (24). P. 16–41.

⁵⁹ Landgren L.F. För frihet och framåtskridande: Helsingfors dagblads etableringsskede, 1861–1864. Helsinki: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1995.

администрации и общественности, а также российских дипломатов в Стокгольме. Лиминальная позиция Финляндии не только в смысле комплексной идентитарной картины между шведскостью, финскостью и имперской принадлежностью, но и в отношении институциональной динамики, которая включила ее в парадипломатические сети коммуникации и превратила ее администрацию в агентов внешней политики, также рассматривалась Робертом Швейцером и Лидией Лемпияйнен⁶⁰.

Объяснения и терминология Крусиус-Аренберг нуждаются в уточнениях в свете новых исследований, а предлагаемая ей жесткая сцепка между скандинавизмом и либерализмом вызывает много сомнений. Однако ее работа занимает промежуточное положение между имперской историей Финляндии как историей институциональной системы и историей Финляндии как историей самоорганизаций, общественных движений и политического воображения, обусловленных имперским, часто репрессивным контекстом. В некотором смысле моя диссертация также стремится найти связующее звено между этими двумя подходами, изучая кабинетную риторику, репертуар действий – продукты бюрократической системы – через оптику второго подхода, внимательного к политическому языку, перформативным практикам и к империи как категории, задающей контекст.

Источниковая база

Поскольку я анализирую, прежде всего, динамику обработки информации и принятия решений в сетях власти, которые простирались между Санкт-Петербургом, имперскими дипломатами в Копенгагене и Стокгольме и финляндской администрацией, первая группа источников отражает работу бюрократических институтов и патрон-

⁶⁰ Швейцер Р. Консенсус в период между “нарушениями конституции” // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2015. Т. XVII. С. 144–197; Лемпияйнен Л.Е. Внешние контакты Великого Княжества Финляндского: 1809–1914 гг: дис... канд. ист. наук. СПб, 2007.

клиентских сетей. Архивные материалы включают личную и официальную документацию генерал-губернатора Александра Сергеевича Меншикова⁶¹ и Федора Федоровича Берга⁶², министра статс-секретаря Александра Армфельта⁶³, заместителя председателя экономического департамента Сената и разработчика экономической политики Финляндии Ларса Габриэля фон Гартмана⁶⁴. Документооборот генерал-губернатора хранится в архиве соответствующей канцелярии⁶⁵, как и документация министра статс-секретаря⁶⁶. Я также использую документы цензурного комитета княжества за 1840-е годы⁶⁷. Кроме того, часть этих материалов была скопирована ГАРФ в виде микрофильмов: документы генерал-губернатора⁶⁸, документы статс-секретаря и Комитета по делам Финляндии⁶⁹. Военное министерство и Третье отделение также сыграли важную роль в моем исследовании. Меня особенно интересуют отчеты военного атташе в Стокгольме, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве⁷⁰ и отчеты штаба Третьего отделения в Финляндии⁷¹.

К опубликованным источникам, проливающим свет на принципы имперского управления, относятся сборники указов, трактаты и манифесты, протоколы заседаний Сейма⁷². Кроме того, были опубликованы некоторые современные событиям и

⁶¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 19. Меншиков Александр Сергеевич; Российский государственный архив древних актов. Ф. 11. Переписка разных лиц XVII–XIX вв. – (коллекция) Государственного архива Российской империи.

⁶² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 547. Берг, Федор Федорович. Оп. 1.

⁶³ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, КА). Alexander Armfeltin arkisto.

⁶⁴ КА. L.G. von Naartmanin arkisto.

⁶⁵ КА. Kenraalikuvernöörinkanslia (ККК).

⁶⁶ КА. Valtiosihteerinvirasto (VSV).

⁶⁷ КА. Painoasiain ylläilyksen sensuurikomitean arkisto.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р8091. Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов. Оп. 1. Финляндия, поступление ЗА–1. 1627–1917 гг.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 1а. Финляндия, поступление ЗА–1а. 1811–1917 гг.

⁷⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 422. Коллекция военно-ученого архива «Швеция и Норвегия». Оп. 1.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 109. Третье отделение его императорского величества канцелярии.

⁷² Постановление о благочинии для студентов Императорского Александровского университета в Финляндии. СПб: Тип. Департамента народного просвещения, 1829; *Samling af placater, förordningar, manifest och påbud*. Vol. I–XVII. Helsingfors: A.W. Gröndahl, 1808–1859; Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903; *Borgareståndets protokoll vid Landtdagen i Helsingfors*. Helsingfors: J.C. Frenckell & Son, 1864.

ретроспективные размышления влиятельных членов финляндской администрации, в том числе мемуары Армфельта, записки Эмиля Шернваль-Валлена 1857–1861 годов и его письма к Авроре Карамзиной⁷³. Российско-финляндские отношения рассматриваемого периода затрагивали многие высокопоставленные чиновники в своих дневниках и мемуарах, в том числе Петр Валуев, Александр Половцов, Константин Фишер, Александр Головнин, Дмитрий Милютин, Дмитрий Оболенский⁷⁴.

Другая группа источников относится к анализу дипломатических аспектов знакомства Российской империи со скандинавизмом. Речь, в первую очередь, идёт о депешах, которые доставлялись в Санкт-Петербург из Стокгольма и Копенгагена. Они были собраны в Архиве внешней политики Российской империи⁷⁵, а также в Королевском архиве Дании⁷⁶. Внутренние документы министерства в виде ежегодных отчетов также привлекались для проведения исследования⁷⁷. Однако я также утверждаю, что некоторые аспекты дипломатической работы можно узнать и из личной переписки представителей империи за рубежом. В частности, я обращаюсь к архиву дипломата в Стокгольме Я.А. Дашкова⁷⁸ и архивам российских дипломатов в Копенгагене П.А. и Н.П. Николаи⁷⁹. Помимо этого, сохранились документы имперских агентов, иногда

⁷³ von Bonsdorff C. Ministerstatssekreteraren greve Alexander Armfelts memoarer // Historisk tidskrift för Finland. 1929. No. 1. S. 77–107; Ur friherre E. Stjernvall-Walléens efterlämnade papper. Stockholm: O.L. Svanbäcks boktryckeri, 1902; Törngren A. Ur friherre Emil Stjernvall-Walleens brev till Aurore Karamzine // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1939. No. 15. S. 135–270.

⁷⁴ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. СПб: Нестор-История, 2005; Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1860–1862. М.: Российский фонд культуры, 1999; Он же. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1856–1860. М.: РОССПЭН, 2004; Он же. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003; Головнин А. В. Записки для немногих. СПб: Нестор-История, 2004; Фишер К. Записки сенатора. Киев: Strelbytskyu Multimedia Publishing, 2018; Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел. Т. 1. 1861–1864 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Половцов А.А. Дневники. 1859–1882. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2022.

⁷⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия министерства.

⁷⁶ Rigsarkivet (Королевский архив Дании, RA). Departementet for de Udenlandske Anliggender.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты министра иностранных дел.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 912. Дашков Яков Андреевич. Оп. 1.

⁷⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 519. Николаи А.Л., П.А., Н.П., А.П. Оп. 1; Kansalliskirjasto (Национальная библиотека Финляндии). Monrepos. Ms. Mf. 833-839.

игравших дипломатические роли: великого князя Константина Николаевича⁸⁰, Николая Александровича⁸¹, ранее упоминавшихся А.С. Меншикова и Ф.Ф. Берга.

Наконец, я также использовал обширную документацию и переписку Александра Горчакова с российскими дипломатами за рубежом⁸². Печатные материалы, связанные с российской дипломатией, включают собрание писем Карла фон Нессельроде и переписку Петра Мейендорфа, посла в Берлине и Вене⁸³. Кроме того, я использую опубликованные сборники переписки между отвечающими за дипломатию представителями Пруссии, Франции и Швеции⁸⁴. Хотя фонды Российского государственного исторического архива и Института русской литературы Российской академии наук содержали лишь отрывочные сведения о Финляндии и внешней политике Российской империи, некоторые материалы о подготовке культурных мероприятий, научные сообщения, фрагменты официальной и личной документации оказались полезными для моего исследования⁸⁵.

Рассматривая личные переживания и надежды, а также общественные дискуссии о феномене скандинавизма в Финляндии, я использую как опубликованные, так и архивные материалы. Архивные материалы включают личную переписку и документы тех людей, которые либо считали себя скандинавистами, либо участвовали в деятельности под знаменем скандинавской консолидации, либо подозревались в

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 722. Константин Николаевич, Великий князь.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 655. Николай Александрович, Великий князь.

⁸² ГАРФ. Ф. 828. Горчаков Александр Михайлович.

⁸³ Nesselrode A. *Lettres et Papiers du Chancelier Comte de Nesselrode, 1760–1850, extraits de ses Archives, publiés et annotés, avec une introduction.* Paris: A. Lahure, без даты. Vol. IX-X; Hoetzsch O. *Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien.* Leipzig und Berlin: De Gruyter, 1923. Vol. II–III.

⁸⁴ *Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871: recueil de documents.* Paris: Imprimerie nationale, 1910. Vol. I; *Die auswärtige Politik Preussens 1858–1871: diplomatische Aktenstücke Abt. 2: Vom Amtsantritt Bismarcks bis Prager Frieden.* Oldenburg: Gerhard Stalling, 1938. Vol. IV; *Diplomatiska Handlingar rörande den danska Frågan, Februari 1863.* Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1863.

⁸⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Департамент народного просвещения; Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов; Ф. 1018. Паскевич-Эриванский Иван Федорович; Ф. 1250. Бумаги председателей и членов Государственного совета; Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 143. Киселев Павел Дмитриевич.

панскандинавских интригах. К ним относятся коллекции Августа Шаумана и Б.О. Шаумана⁸⁶, архив Карла Аспелунда⁸⁷, коллекция Эдварда Берга⁸⁸, коллекция Эмиля фон Квантена⁸⁹, архив К.Э.Ф. Игнатиуса⁹⁰. Кроме того, я использую опубликованные мемуары, дневники и коллекции переписки финляндских интеллектуалов, чтобы пролить свет на их представление о социальной и политической ситуации в княжестве и в империи⁹¹. Рассматривая отношения между имперскими эмигрантами и сторонниками скандинавизма, я опираюсь на опубликованные собрания писем Александра Герцена и Михаила Бакунина⁹², а также на некоторые материалы, хранящиеся в Шведской королевской библиотеке⁹³ и оцифрованное собрание полного собрания сочинений М.А. Бакунина, выпущенное на CD-ROM⁹⁴.

Хотя анализ политических и культурных процессов в Дании и Швеции-Норвегии в основном основан на исследовательской литературе, я использую соответствующие оцифрованные коллекции газет, а также дневники и мемуары основных идеологов скандинавизма и их оппонентов для анализа динамики движения в контексте политического противостояния в королевствах Северной Европы⁹⁵. Кроме того, я

⁸⁶ Kansalliskirjasto. Coll. 201; Coll. 198.

⁸⁷ Svenska Litteratursällskapet i Finland Arkiv (Архив Шведского литературного общества в Финляндии). Coll. 146; Coll. 664.

⁸⁸ SLSA. Coll. 357.

⁸⁹ SLSA. Coll. 933.

⁹⁰ KA. K.E.F. Ignatiuksen arkisto.

⁹¹ Schauman A. Från sex årtionden i Finland: levnadsminnen upptecknade av Aug. Schauman. Helsingfors: H. Schildt, 1922; Elmgren S.G. S.G. Elmgrenin muistiinpanot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran, 1939; Topelius Z. Finlands krönika 1860–1878. Helsinki: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2004.

⁹² Бакунин М.А. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.И. Огареву. Женева: Украинская типография, 1896; Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем, 1828–1876. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935; Герцен А.И. Михаил Бакунин и польское дело. Geneve: M. Elpidine, 1904.

⁹³ Kungliga Biblioteket (Королевская библиотека Швеции), KB1/Er. Q 1. Emil von Qvanten; KB1/L 10 Sohlmans arkiv; KB1/Er. H. 7:1 Sven Hedins arkiv.

⁹⁴ Bakunin M. Oeuvres completes. Amsterdam, 2000. 1 CD-ROM.

⁹⁵ Lehmann O. Efterladte skrifter. Vol. I–IV. København: Gyldendal, 1874; Goldschmidt M. Livs erindringer og resultater. København: Gyldendal, 1877; Krieger A.F. Andreas Frederik Kriegers Dagbøger 1848–1880. København: Gyldendal, 1921. Vol. II–III; Abrahams A. Minder fra min Studentertid. København: Det Schubotheseke forlag, 1896; Clausen H.N. Optegnelser om mit levned og min tids historie. Odense: G. E. C. Gad, 1877; Akrell C.F. Minnen från Carl XIV:s, Oscar I:s och Carl XV:s dagar. Vol. I–II. Stockholm: M.W. Wallberg & Comp. Boktryckeri, 1884; de Geer L. Minnen. Vol. I-II. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1892.

использую публичные заявления сторонников скандинавизма, которые часто происходили в контексте фестивалей скандинавских студентов и были задокументированы в соответствующих отчетах о мероприятиях⁹⁶.

Хронологические рамки

Как указано в названии, исследование затрагивает период с 1843 по 1864 год. Первая дата выбрана исходя из того, что термин «скандинавизм» впервые появился в датской газете в 1843 году. Кроме того, в этом году были сформулированы и представлены первые последовательные программы политической консолидации под эгидой скандинавизма. Можно, однако, утверждать, что генеалогия скандинавизма охватывает и более ранний период, включающий Наполеоновские войны, формирование традиций национального романтизма и проекты унии начала XIX века. Я, тем не менее, убежден, что движущие силы и идеи скандинавизма, помимо очевидной преемственности, демонстрировали разрывы с более ранними романтическими формулировками, будучи в целом более эксклюзивными по отношению к немецкоязычному населению Датской композитарной монархии, более ориентированными на федеративную систему и гораздо более разнообразными в смысле воображения форматов региональной консолидации.

Хотя исследование формально начинается с 1843 года, я также пытаюсь прояснить процессы, которые охватывают 1830-е годы и включают в себя интенсификацию политической борьбы в Швеции за реформу представительства, возникновение и консолидацию там либеральных политических сил, а также отголоски этих процессов в Финляндии, которые привели к административным тревогам в

⁹⁶ Berättelse om Uppsala-studenternas skandinaviska fest: den 6 April 1848. Uppsala: Wahlström & C., 1848; Berättelse om studenttågen till Lund och Köpenhamn, sommaren 1845. Uppsala: Wahlström & C., 1846; Beretning om studentertoget til Upsala i juni maaned 1843. København: Berlingske Bogtrykkeri, 1844. Rosell A. Studentbesöket i Finland, 1857. Stockholm: C.A.Leffler, 1858.

княжестве. Эти годы подготовили административные шаблоны восприятия шведской и скандинавской политики, которые впоследствии были спроецированы и на скандинавизм. Более того, помимо интенсификации политического воображения, это десятилетие стало свидетелем разработки конкретной политики, направленной на усиление контроля за шведско-финляндской границей, циркуляцией материальных объектов, людей и идей через нее.

Период с 1840-х по 1860-е годы был, несомненно, самым интенсивным с точки зрения спектра воображаемых возможностей и попыток воплощения скандинавизма. Сторонники скандинавской консолидации создавали различные сценарии осуществления желаемого будущего. Начиная от установления культурных связей и заканчивая скандинавской федерацией или династическим союзом, эти проекты часто следовали различным линиям аргументации, которые уходили корнями в многообразные дискурсы и практики. С одной стороны, общескандинавский контекст способствовал поиску сходств, параллелей и близости скандинавских народов в прошлом и настоящем, которые часто формулировались в терминах их родственных связей. С другой стороны, возникли и сравнительные рамки, в которых различия политических систем или, в некоторых радикальных редакциях, даже национальных культур рассматривались как помехи на пути к сближению. Противоречивость сформулированных проектов скандинавского будущего создавала определенное напряжение, но их сторонники часто искали путь примирения, выбирая скорее гибридные союзы, чем чистоту догматики.

Наконец, 1864 год, когда Дания потерпела поражение во Второй войне за Шлезвиг, считается традиционным водоразделом, который положил конец многим амбициозным проектам скандинавской консолидации, особенно в политической сфере. В последнее время эта точка зрения все чаще оспаривается благодаря обращению к

ранее не изученным архивным материалам и демонстрации устойчивости скандинавистских представлений после этой даты. Хотя формально я ограничиваю рамки исследования 1864 годом, важность этой даты как «водораздела» ставится мной под вопрос с несколько иной позиции. В то время как политические импульсы скандинавизма после 1864 года постепенно угасали в Дании, Швеции и Норвегии, в российских имперских кабинетах страхи перед геополитическими амбициями и революционными наклонностями мнимых идеологов скандинавизма сохранялись вплоть до конца XIX века.

Структура и краткое содержание исследования

Структура диссертации выстроена в соответствии с поставленными целью и задачами. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы.

В первой главе «Скандинавизм и Российская империя: представления о Севере» скандинавизм рассматривается как гетерогенный проект, объединявший под своим «знаменем» социальное движение, макронациональные представления, династические и дипломатические программы. В ней рассматривается политический и социальный контекст скандинавских королевств в 1830–1840-х годах, в котором скандинавизм был изобретен как макронациональный проект, связавший различные представления о консолидации северных стран. Я подробно останавливаюсь на вопросах нациестроительства в Дании как одной из причин возникающего легального и дипломатического кризиса вокруг проблемы герцогств Шлезвиг и Гольштейн и на том, какую роль в этих проблемах играло представление о скандинавской консолидации. В главе анализируются идентитарные аспекты скандинавского проекта и уделяется особое внимание образам Российской империи, которые циркулировали в панскандинавской

прессе, указывается как на антагонистичность империи в некоторых из этих текстов, так и на более сложные интерпретации скандинаво-российских отношений.

Вторая глава «Координаты беспокойства: Великое княжество Финляндское между Швецией и Россией» посвящена Финляндии и процессу ее включения в состав Российской империи. В первых пяти параграфах я даю объяснение статуса княжества, его правовой базы и административного функционирования. В главе я подробно анализирую дискуссии о политической и культурной идентичности Финляндии, которые вели как бывшие подданные шведского короля, так и имперские агенты, назначенные для управления Финляндией. Я подчеркиваю совместные усилия генерал-губернатора Александра Сергеевича Меншикова и местной администрации, стремившейся сохранить автономию княжества в беспокойные десятилетия 1830–1840-х на фоне нарастающего кризиса в политическом ландшафте Европы.

В тексте я раскрываю политические взгляды, разделяемые представителями администрации, которые основывались на общеимперском видении сословного консерватизма. В параграфах 6–11 я рассматриваю проблемы отношений Финляндии с ее бывшей метрополией, которые стали особенно опасными в оптике администрации в 1830–40-х годах в связи с изменением политической динамики в Швеции. Финляндская администрация стремилась установить институциональную дистанцию со Швецией путем ужесточения контроля за циркуляцией прессы, денежных единиц, товаров, подозрительных личностей и идей. Я указываю как на сложность воплощения этих шагов, так и на комплексность переговоров об их осуществлении.

С другой стороны, финляндское образованное общество, воодушевленное европейскими национально-романтическими тенденциями, изобретало проекты, в центре которых была идея финской национальной идентичности. Первая встреча финляндского общества и администрации со скандинавизмом происходит в этом

контексте имперских устремлений и новых интеллектуальных поисков. В параграфах 12–14 я показываю, что в 1840-х годах фенномания и скандинавизм могли восприниматься образованным обществом и администрацией как взаимосвязанные и сонаправленные явления. Если студенты рассматривали скандинавизм как образец для подражания для зарождавшихся тогда финноцентричных амбиций, то администрация, следуя скорее принципам классовой, а не этнической социальной категоризации, видела схожие космополитические опасности, исходившие от двух проектов.

Третья глава «Российский дипломатический корпус и опасности панскандинавской идеи» посвящена работе имперских дипломатических представителей за рубежом в начале 1840-х годов. В параграфах 1–4 я утверждаю, что контекст оформления Венской системы был важнейшим для выработки языка и практики дипломатической коммуникации, а также для нового ментального картографирования *баланса сил* в Европе. Скандинавские королевства в этой схеме фигурировали как узловые точки в более широкой картине политического равновесия, а (пан-)национальные тенденции часто саморепрезентовали себя в качестве агентов борьбы с этой консервативной системой.

Я утверждаю, что понятия «революция», «движение» и «агитация», ключевые для политического языка Венской системы, были использованы российскими дипломатами для анализа событий, развернувшихся под знаменем скандинавизма в 1840-х годах в Дании и Швеции. Дипломаты переосмыслили буржуазную, вдохновленную романтизмом, национальную и эмоционально окрашенную риторику и практики скандинавских студенческих собраний как революционную провокацию, направленную на разрушение установленного социального и политического порядка в королевствах. В параграфах 5–7 я демонстрирую, что их депеши скорее рисовали

картину опасной агитации, вызванной классовой борьбой и антиправительственными действиями, нежели угрозу геополитической опасности.

В четвертой главе «Эхо революций: 1848 год в Скандинавии, Российской империи и Финляндии» рассматривается имперская политика в ходе революционных событий в Европе. В ней показано, что шведское влияние оставалось существенной проблемой для финляндской администрации, которую она пыталась обуздать с помощью различных мер как репрессивного, так и более комплексного характера, особенно в аспектах взаимодействия с публичной сферой. В параграфах 1–3 я демонстрирую, что фенномания воспринималась правительством как опасная тенденция, связанная со шведской и, шире, скандинавско-европейской политикой и возможными революционными замыслами. Эту связь администрация и, в особенности, генерал-губернатор Меншиков выстраивали через интерпретацию биографических траекторий и интеллектуальных поисков главного идеолога проекта Юхана Вильгельма Снельмана.

В параграфах 4–6 я рассматриваю практику привлечения доверенных имперских агентов к разнообразным миссиям, выходящим за рамки их обычных обязанностей. Князь Александр Меншиков, приближенный к императору, и Великий князь Константин Николаевич приступили к выполнению одной из таких миссий, связанной с дипломатической помощью датскому правительству в свете восстания в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн. В контексте сложившегося кризиса скандинавизм был перепроцитан в дипломатической переписке как проект, который пользовался широкой популярностью и даже поддержкой в соответствующих дворах и кабинетах. Меншиков, имперские дипломаты и Министерство иностранных дел стремились не допустить осуществления политического союза, твердо придерживаясь рамок Венской системы. Однако тесное сотрудничество со Швецией и декларируемая помощь Дании в борьбе с

повстанцами и вставшими на их сторону немецкими государствами ставило имперских агентов перед необходимостью приспособливаться к импульсу панскандинавской солидарности, которой империя пыталась с опаской совместить со своими консервативными внешнеполитическими целями. Вмешательство империи в этот кризис парадоксальным образом сочетало в себе как временное сближение с панскандинавскими настроениями, так и стремление не допустить оформление политической скандинавской унии.

В пятой главе «Крымская война и ее последствия» я анализирую проблемы, с которыми столкнулись имперское правительство и финляндская администрация во время и после международного кризиса и войны. Во многом имперская система управления кардинально изменилась, и император Александр II обозначил новый курс, призванный реформировать устаревшую правовую, социальную и политическую архитектуру империи. В этой главе я пытаюсь продемонстрировать смещение «центральной» и «периферийной» политики реформ, раскрывая разнообразные способы, с помощью которых имперские агенты использовали новые риторические средства, репертуары действий и институциональные рамки для утверждения своего видения имперского и финляндского будущего, «подключая» локальные требования и запросы к общеимперским процессам и политическим языкам.

Ситуация затянувшейся войны, перспективы шведской интервенции и ожидание внутренних волнений в Финляндии оказали влияние на политику нового генерал-губернатора Финляндии Федора Федоровича (Фридриха Вильгельма) Берга, как я показываю в параграфах 1–5. Генерал-губернатор, встревоженный перспективами скандинавского союза, шведским реваншизмом и внутренними волнениями, использовал этнически окрашенную категоризацию населения и отдавал предпочтение культурным начинаниям, ориентированным на финнов, чтобы отгородить Финляндию

от шведоцентричных и, как следствие, скандинавистских политических устремлений. Я утверждаю в параграфах 6–11, что скандинавизм стал неопределенным ярлыком, который Берг, другие администраторы и кабинеты использовали в своих коммуникациях с Санкт-Петербургом для запроса ресурсов, привлечения внимания и дискредитации политических оппонентов.

Либеральная, зачастую шведоязычная интеллигенция предоставила генерал-губернатору благодатную почву для того, чтобы переосмыслить их начинания в опасном свете и представить их проекты как работу тайных обществ, готовящих грандиозные потрясения. Поскольку Берг кардинально изменил ранее установленные модели управления в княжестве, замкнув многие административные каналы на себя, другие влиятельные агенты стремились дискредитировать представляемую им картину ситуации в Финляндии, подчеркивая надуманный характер опасностей или его ответственность за их появление. В этой кабинетной борьбе агенты обращались к понятиям морали, авторитета, прогресса, маркерам этничности, цивилизованности, групповой принадлежности, законности и эмансипации, которые стали важными для государственной политики реформирующейся империи. Артикулируемые опасности скандинавизма или их отсутствие также стали одним из риторических приемов для дискредитации действующего генерал-губернатора, как я утверждаю в параграфах 12–14.

Особое положение Финляндии, находящейся на пересечении внешней политики и внутреннего имперского управления окраиной, еще раз подчеркивало значение диверсифицированных каналов коммуникации. Генерал-губернатор Берг установил личные контакты с представителем России в Стокгольме Яковом Дашковым, артикулируя опасность панскандинавской агитации и используя дипломатические каналы для дополнительного мониторинга политической динамики. Третье отделение,

в свою очередь, стало альтернативным центром производства информации о социально-политическом облике княжества и об отдельных персоналиях, ответственных за те или иные тенденции.

С одной стороны, штаб-офицер Третьего отделения Август Тобизен присоединялся к критике Берга по отношению к шведоязычным группам и скандинавистским тенденциям в княжестве. С другой стороны, деятельность штаба в Финляндии не ограничивалась производством собственных сведений, но также включала в себя сбор информации и записок от третьих лиц, многие из которых эксплицитно критиковали деятельность генерал-губернатора. В конце концов, специальная миссия Третьего отделения, начатая по запросу Берга для поиска секретного панскандинавского общества в княжестве, пришла к выводу об отсутствии организованной пропаганды движения и к заключению об отрицательном влиянии деятельности генерал-губернатора на настроения в княжестве. Динамику этих коммуникаций я раскрываю в параграфах 13–16.

В последней главе «К пламени: Польское восстание и Вторая война за Шлезвиг» я рассматриваю положение Финляндии в контексте имперского кризиса 1863 года, вызванного Польским восстанием, и анализирую имперскую внешнюю политику в отношении шлезвиг-гольштейнского вопроса, вновь вспыхнувшего в 1863–1864 году. Я изучаю появление новой консервативной националистической прессы в России, идеология которой приняла законченные черты в процессе подавления Польского восстания. Великое княжество Финляндское – другая составная часть империи с легальными привилегиями и собственными политическими институтами – подверглось критике со стороны флагмана консервативной прессы, влиятельной газеты *Московские ведомости*. С одной стороны, новая когорта националистических модернизаторов рассматривала Финляндию и особенно этнических шведов как неустойчивый элемент с

якобы эндемическими скандинавистскими политическими симпатиями. С другой стороны, представители противоположного края политического спектра имперского общества – революционная эмиграция за рубежом – пыталась примирить идею о независимости Финляндии и Польши, представления о распаде империи и скандинавизм в своих кампаниях в Стокгольме, возглавляемых Михаилом Бакуниным. Эти аспекты я рассматриваю в параграфах 1–6.

Далее, в параграфах 7–10 я демонстрирую, что в 1863–1864 годах, когда датский кризис вновь вышел на передний план, финляндская либеральная интеллигенция выразила свою поддержку датского и, шире, скандинавского дела, вновь привлекая внимание консервативной прессы империи. Министерство иностранных дел, придерживаясь стратегии невмешательства, тем не менее опасалось перспектив скандинавского союза, который стал как никогда близок к практическому осуществлению. Неоднозначность внешнеполитических траекторий вызвала разнообразные реакции в публичной прессе, которые варьировались от сравнения проблемы Шлезвига и Гольштейна с проблемой мятежной Польши до представления о суверенитете нового государства, которое образуют герцогства. Скандинавизм как ярко выраженная тенденция скандинавской прессы и дипломатических дискуссий также привлек внимание публичной сферы империи, которая активно обсуждала его перспективы и шансы, указывая на угрозы, которые скандинавский союз представлял бы для Российской империи, тем самым имплицитно, а порой и открыто критикуя нерешительность имперской власти.

Хотя Горчаков и дипломаты за рубежом стремились сдерживать активизацию скандинавских идей, необходимость воздержаться от вмешательства заставляла их ожидать реализации скандинавского союза и даже примирить внешнюю политику России с возможным появлением нового государства на севере, как я демонстрирую в

параграфах 11–12. Такая «фаталистическая» адаптивность особенно ярко проявилась в обзоре внешней политики, в котором скандинавский союз описывался как нежелательный, но некритический исход существующих противоречий. Обзор был подготовлен для Великого князя и наследника престола Николая Александровича, который отправился в Европу летом 1864 года в том числе для того, чтобы сделать предложение датской принцессе Дагмар.

В параграфе 13 я утверждаю, что публичные и властные агенты делали различные выводы из комплекса сложившихся внутриимперских и внешнеполитических проблем: М.Н. Катков артикулировал опасности федерализма и различия политических систем внутри империи в своей газете *Московские ведомости*; фенноманы и их сторонники настаивали на невозможности полагаться на «внешние», зачастую ненадежные силы, ссылаясь на отсутствие шведской поддержки Дании в ходе войны; финляндские либералы формулировали позицию об особой шведско-скандинавской государственности Финляндии в пылу спора с Катковым; Михаил Бакунин настаивал на необходимости продолжения панскандинавской агитации, несмотря на поражения, а финляндская и имперская администрация еще долгое время воспроизводили «призраков» панскандинавизма для преследования собственных целей.

В **заключении** делаются выводы проведенного исследования. Помимо этого, рассматривается вопрос об «устойчивости» имперских опасений, связанных со скандинавизмом.

Положения выносимые на защиту

1. Знакомство финляндской администрации со скандинавизмом было обусловлено расширением границ политического участия в Швеции и интенсификацией там борьбы за реформу репрезентации. Администрация изначально трактовала

скандинавизм в качестве космополитического, революционного явления, лишь опосредованно связанного с геополитическими угрозами.

2. Гибкость интерпретации скандинавизма позволила финляндским студентам сформулировать свой интерес к проекту через риторику вдохновения и последующей адаптации, которую они стремились использовать для фенноманского проекта, тем самым сближая, а не противопоставляя их.

3. Финляндская администрация в этот период также рассматривала фенноманию и скандинавизм как родственные политические устремления, нуждающиеся в пристальном надзоре.

4. Российский дипломатический корпус в Копенгагене и Стокгольме в 1840-е годы трактовал скандинавизм как часть космополитического, европейского, революционного заговора, придерживающегося антимонархических и классово-ориентированных принципов борьбы.

5. Во время революций 1848 г. имперская администрация сознательно сблизилась с импульсами скандинавизма в ходе совместного со Швецией оказания помощи Дании, хотя это сближение предполагало и консервативное влияние Российской империи, которое, по мнению некоторых ее агентов, могло отвлечь правительства северных королевств от пути к скандинавскому союзу.

6. Крымская война и нависшая угроза шведской интервенции в 1855 году позволили новому генерал-губернатору Ф.Ф. Бергу привязать свое картографирование опасности в княжестве к понятию скандинавизма и якобы стоявшей за ним шведоязычной группе агитаторов. В его понимании фенномания предстала собой противовес скандинавизму как «народный» и «крестьянский» проект, удобный для инструментализации властью в качестве лоялистского рупора.

7. Скандинавизм оказался оспариваемым термином, обсуждавшимся в основном в кабинетах и органах надзора, расположенных в Финляндии. Указание на опасности, связанные со скандинавизмом, использовалось в коммуникации с Санкт-Петербургом как основание для разнообразных просьб и требований.

8. Постепенно картографирование лояльности в Финляндии в штабе Третьего отделения и в других административных кабинетах было переведено на язык этнографических наблюдений, таким образом располагая финнов и шведов по разным сторонам «спектра» лояльности, обусловленного их природными, практически неизменными склонностями.

9. В 1864 году администрация Российской империи рассматривала идею скандинавского союза как серьезную угрозу с реальным потенциалом осуществления. Министерство иностранных дел всеми силами старалось избежать такого результата военных действий на территории Дании и давало соответствующие указания своим агентам, хотя и придерживалось линии невмешательства.

10. Принципы невмешательства перевешивали даже опасности скандинавского объединения, и имперская администрация в конце концов расценивала реализацию скандинавского союза как явление, которое не способно будет затронуть прямые интересы империи, проявив тем самым готовность к новым геополитическим комбинациям на севере Европы.

Сведения об организации, в которой выполнялось исследование, и научном руководителе

Диссертация выполнена на Департаменте истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Адриан Александрович Селин.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность исследования определяется широким кругом исторических источников, отобранных в соответствии с целями и задачами работы и составившими источниковую базу исследования.

Результаты работы были представлены и обсуждены в двух воркшопах, двух международных конференциях и на двух школах:

1. Осенняя школа «Человеческое, слишком нечеловеческое: наблюдаемый, наблюдатель, поле, город», Тюменский государственный университет, Россия, 24–27 ноября 2022. Доклад: «Город как небезопасное пространство провокаций» (совместно с Т.Ю. Борисовой).
2. Воркшоп «Pan-nationalisms, a Reappraisal», Университет Осло, Норвегия, 14 декабря 2021. Доклад: «The Russian empire and pan-Scandinavianism: grasping a moving target».
3. Воркшоп «Pan-movements, macro-regions and nation-building: Reflections on Nordic experiences in an international context, 1840–1940», Университет Хельсинки, Финляндия, 27–28 сентября 2021. Доклад: «Emil von Qvanten, Mikhail Bakunin and Pan-National Activist Networks».

4. Международная конференция «Лояльность, подданство, гражданство: между империей и нацией», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Россия, 4–5 февраля 2021. Доклад: «Макронационализм как дарообмен: случай панскандинавизма».

5. Международная конференция «Usable Pasts 2019», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Россия, 15 апреля 2019. Доклад: «From “system” to “brotherhood”: discussing the unity of Scandinavian kingdoms».

6. Летняя школа «Российская Империя / Советский Союз через призму мировой и новой имперской истории», Тюменский государственный университет, Россия, 30 июня–5 июля 2019. Доклад: «Российская империя встречает панскандинавизм в 1840-е годы».

Основные публикации автора в журналах, включенных в список журналов высокого уровня, подготовленный в НИУ ВШЭ, а также индексируемых в базах

Scopus и Web of Science:

1. Björk-Winberg M., Egorov E. Emil von Qvanten, Mikhail Bakunin and pan-national activist networks / M. Björk-Winberg, E. Egorov // *Nordic Experiences in Pan-nationalisms: A Reappraisal and Comparison, 1840–1940* / ed. R. Hemstad, P. Stadius. – London: Routledge, 2023. – P. 117–136.

2. Egorov E. The Russian empire and Scandinavianism: Grasping a moving target, 1840–1864 / E. Egorov // *Nordic Experiences in Pan-nationalisms: A Reappraisal and Comparison, 1840–1940* / ed. R. Hemstad, P. Stadius. – London: Routledge, 2023. – P. 76–95.

3. Egorov E. Danish visions of the Scandinavian union (1809–1810): a genealogy of the rhetoric and pragmatics of justification / E. Egorov // *Scandinavian Journal of History*. – 2021. – Vol. 46 (5). – P. 619–641.

4. Егоров Е.В. Перевод со шведского на "финляндский": политическая идентичность Великого княжества Финляндского (1831–1854) / Е.В. Егоров // *Ab Imperio*. – 2021. – № 4. – С. 203–237.